

Это лишь небольшая подборка стихотворений из тех, что написаны Алексеем Тимофеевичем Прасоловым (1930–1972) в «хохольский период» его жизни, когда он работал литературным сотрудником в районной газете «За коммунистический труд» (с 1 сентября 1969-го по 27 мая 1971 года), на страницах которой некоторые из них впервые публиковались.

Стихи Алексея Прасолова вряд ли нуждаются в каком бы то ни было пояснении, потому что любое их толкование будет невольно выглядеть ограниченным по сравнению с глубиной и масштабом его поэтического мироздания. К тому же каждый из нас ищет и находит в творчестве поэта созвучия своей душе, своему уму и своему сердцу.

Краткие комментарии в данном случае относятся к конкретным адресатам публикуемых стихотворений.

Стихотворение «*В эту ночь с холмов, с булыжных улиц...*» посвящено Александру Тихоновичу Смирнову (1945–2003), в то время молодому журналисту, с которым работали в одной газете. В дневнике поэта есть запись от 20 ноября 1969 года: «Вчера ночью дописал «Ледоход». С. — в восторге. А меня кое-что коробит...» Стихотворение впервые было опубликовано в последнем прижизненном сборнике Алексея Прасолова, но «Слава Богу» в завершающей строке цензура не пропустила, оставив только «Неподвластный нам».

Стихотворение «...Да, я нечасто говорю с тобой...» посвящено Наталье Борисовне Банк (1933–1998) — критику, автору одной из первых рецензий на книги Алексея Прасолова. Н.Б. Банк жила в Ленинграде. Ее письма были очень важны для поэта как связь с литературным миром северной столицы. В дневнике от 21 февраля 1970 года А.Т. Прасолов пишет: «Банк на юбилее Успенского читала из моего к ней письма слова об Успенском — «дятле, долбящем древо языка», и об Ахматовой — «Лучшие люди отдали должное такому способу почтить память Ахматовой». Я — был там....» Свою книгу о Льве Успенском Н.Б. Банк переслала Прасолову ранее. Об Ахматовой он написал в одном из писем к Банк. В 1969 году Ахматовой исполнилось бы 80 лет. Что касается самого стихотворения, то оно достаточно ярко и точно представляет повседневную жизнь поэта на хохольской земле.

Стихотворение «Как ветки листьями облепит» посвящается Александру Трифоновичу Твардовскому. Этому великому поэту Алексей Прасолов обязан своим открытием для русской литературы. Благодаря А.Т. Твардовскому стихи А. Прасолова были опубликованы в самом влиятельном журнале тех лет — в «Новом мире», издан сборник «Лирика» в издательстве «Молодая гвардия», кстати, единственное прижизненное издание в Москве. Но после этого других публикаций стихов А. Прасолова в «Новом мире» не появилось, хотя обращения были. В его дневнике сохранилась запись от 28 декабря 1969 года: «Сегодня — стихи Твардовскому. Что теперь скажет Караганова?» (Сотрудник журнала «Новый мир». — Р.А.). Среди отосланных стихов называются «Как ветки...», «В эту ночь...», «Нет, не соленый привкус нищеты» и другие. Стихи не были опубликованы. В Хохле Прасолов получил письмо А.Т. Твардовского с объяснением позиции журнала и творческими пожеланиями. Это были слова поддержки, в которой Алексей Тимофеевич очень нуждался в то время: «Я получил от него письмо, короткое, предостерегающее от «академического спокойствия» в лирике. В конце слова: «Да вы сами с усами, а ученого учить — только портить».

Смотря кто учит...

Судьба дала мне встречу с одним лишь поэтом. Но им был Твардовский». (Из воспоминаний А. Прасолова о Твардовском, написанных 22 января 1972 года).

* * *

А.С.

В эту ночь с холмов, с булыжных улиц
Собирались силы темных вод.
И когда наутро мы проснулись,
Шел рекой широкий ледоход.

Размыкая губы ледяные,
Говорила вольная вода.
Это было в мире не впервые,
Так зачем спешили мы сюда?

А река — огромная, чужая,
Спертая — в беспамятстве идет,
Ничего уже не отражая
В мутной перекошенности вод.

От волны — прощальный холод снега,
Сочный плеск — предвестье первых слов,
И кругом такой простор для эха,
Для далеких чьих-то голосов.

Нет мгновений кратких и напрасных —
Доверяйся сердцу и глазам:
В этот час там тихо светит праздник,
Слава Богу, неподвластный нам.

1969

* * *

Н.Б.

...Да, я не часто говорю с тобой,
И, кажется, впервые слишком длинно.
Здесь ветер, долгий, жаркий, полевой,
Идет спокойно ширью всей равнины.

И вот, встречаясь с ветром грудь на грудь,
Себе кажусь я грубым и плечистым.
И я, и он на стане где-нибудь,
Мы оба пахнем, словно трактористы,
Дымком, соляркой, тронутой землей,
Горячей переломанной соломой.

Здесь жизни ход — нагруженный, иной
(И, может статься, чересчур земной),
Чем там, где люди сеют в мире слово,
А пожинают — впрочем, что кому.
Те два посева сравнить не ново
И не всегда разумно — потому
Давай с тобой доверимся на слово
В стихии — чувству, в остальном уму,
И даже если все смешает ветер,
Как этой жизни — отдаюсь ему.

1970

* * *

А.Т.Т.

Как ветки листьями облепит,
Растают зимние слова.
И всюду слышен клейкий лепет —
Весны безгрешная молва.

И сколько раз дано мне встретить
На старых ветках юных их —

Еще неполных, но согретых,
Всегда холодных, но живых?

Меняй же мир свои одежды,
Свои летучие цвета,
Но осени меня, как прежде,
Наивной зеленью листа.

Под шум и лепет затоскую,
Как станет горько одному,
Уйду — и всю молву людскую —
Какая б ни была — приму.

1970

* * *

Нет, не соленый привкус нищеты —
Нам сводит губы жажда этой жизни,
Боязнь того, что, до конца не вызнав
Ее щедро, исчезнем — я и ты.
Болезней много мы превозмогли,
Так дай нам Бог не увидеть земли,
Где изобилье, ставши безобразьем,
Уже томит создателей своих,
И властно подчиняет чувства их,
И соблазняет прихотями разум.

1969

* * *

В час, как дождик короткий и празднично чистый
Чем-то душу наполнит,
Молодая упругость рябиновой кисти
О тебе мне напомнит.

Не постиг я, каким создала твое сердце природа,
Но всегда мне казалось,
Что сродни ему зрелость неполного раннего плода
И стыдливая завязь.

А мое ведь иное — в нем поровну мрака и света,
И порой, что ни делай,
Для него в этом мире как будто два цвета —
Только черный и белый.

Не зови нищетою — это грани враждующих истин.
С ними горше и легче.
Ты поймешь это все, когда рук обессиленных кисти
Мне уронишь на плечи.

1970

В ковше неотгруженный щебень,
 Как будто случилась беда.
 В большой котловине от неба
 Глубокой казалась вода.

К холодной и чистой купели
 Сходил по уступам мой день,
 И грани уступов горели,
 Другие обрезала тень.

Я видел высокую стену,
 Что в небо и в воду ушла,
 И росчерком — белую пену,
 Что ярко к подножью легла.

Я слышал, как звонче и чаще —
 Невидимый — камень стучал,
 Обрушенный днем уходящим,
 За ним он катился в провал.

В паденье ничто не боролось,
 Лишь громко зевнула вода, —
 И подал призывный свой голос,
 И подал я голос тогда.

И грозным иссеченным ликом
 Ко мне обернулась стена,
 С вниманьем таинственно-диким
 Его принимала она.

А голос в пространстве вечернем,
 Какою-то силой гоним,
 Метался, — огромный, пещерный,
 Несходный с ничтожным моим.

И бездна предстала иною:
 Я чувствовал близость светил,
 Но голос, исторгнутый мною,
 Он к предкам моим восходил.

1970